

А.Ш. Кадырбаев

ИБ РАН

**Монгольские вторжения в XIII в.
на Японские острова
(по материалам китайских
династийных историй)**

Подобно большинству государств и народов Евразии XIII в., Япония не избежала монгольского нашествия. Островное положение страны, отделенной от Евразийского материка морскими пространствами, не остановило завоевательный порыв монголов, предпринявших в 1274 и 1281 гг. два широкомасштабных вторжения на Японские острова, где они впервые проводили не привычную им сухопутную войсковую операцию высокоманевренными кавалерийскими соединениями, а военно-морскую, что было бы невозможно без опоры на потенциал завоеванных ими стран, имеющих морские традиции, к числу которых относились Китай и Корея. Также были привлечены выходцы из мусульманских стран Персидского залива, служившие монголам на Дальнем Востоке. Ярким примером является глава монгольской таможни из Цюаньчжоу, обеспечивший победу монголов на море над китайской империей Сун, мусульманин – араб или иранец Пу Шоугэн [4, с. 47]. В детали похода на Японию был посвящен итальянец, венецианец Марко Поло, приближенный к великому монгольскому хану Хубилаю. Выходцы из «Сиюй», т.е. из стран, лежащих к западу от Китая, в том числе упомянутые европейцы, арабы и иранцы, а также тюрки – карлуки, канглы, кыпчаки, уйгуры, причисляемые рядом исследователей к тюркам – джалаиры и найманы, так называемые «сэму» (в переводе с китайского – «цветноглазые», как называли китайцы отличавшихся от них в расовом отношении уроженцев Центральной и Западной Азии, Европы), составляли заметную часть воинов внука Чингиз-хана – великого монгольского хана и первого императора Китая из династии Юань Хубилая, с именем которого и связана попытка завоевания Японии монголами. Вначале Хубилай-хан надеялся подчинить Японию дипломатическим путем, используя с этой целью культурную и географическую близость к этой

© Кадырбаев А.Ш., 2007

стране подчиненного монголам корейского государства, представители которого лучше других юаньских подданных были знакомы с нравами, обычаями и языком японцев. К тому же у корейских правителей были свои претензии к японцам, которые еще до подчинения Кореи монголам совершали с островов Кюсю, Цусима и Ики пиратские нападения на корейское побережье [11, с. 99; 2, с.103–104]. Прекратились они лишь в 1263 г., после принятия монгольскими властями Юань жестких военных мер против японских пиратов-*вако*. Корейцы являлись проводниками и переводчиками, а иногда и сам корейский правитель играл роль посредника в монголо-японских отношениях. В 1266 г. монгольский посол в сопровождении корейца Хам Пуга прибыл в Японию и потребовал личной встречи с японским императором. Ему было отказано, и монгольское посольство не пустило в японскую столицу Киото. Но письмо Хубилай-хана японскому императору передали адресату. В этом письме монгольский владыка требовал немедленно прислать к нему послов с данью и признать себя вассалом. В противном случае Хубилай-хан угрожал Японии войной. Японский император Камэяма по совету приближенных избрал тактику затягивания времени, в течение полугода задерживая монгольское посольство, но так и не давая никакого ответа [6, с. 78]. Одновременно с письмом Хубилай-хана корейский правитель также отправил японскому императору послание, советуя ему скорее вернуть на родину посла могущественнейшего во вселенной монгольского великого хана и покориться монголам. Но и оно не возымело действия. Тогда Хубилай-хан, не прерывая дипломатических контактов, начал готовиться к военному захвату Японских островов. В 1268 г. второе посольство монголов, в составе которого были их корейские подданные, достигло берегов Японии, где было встречено столь же недоброжелательно, что и первое. Причины затягивания японцев с ответом следует искать не только в поведении японского императора и его окружения. Дело в том, что реальная власть в стране в это время была в руках бакуфу – военного правительства во главе с военным правителем Ходзе Токимуне, носившим титул «сегун», а император лишь осуществлял представительские функции, т.е. царствовал, но не правил. Императорский двор находился в Киото, а ставка сегуна – в Камакура, и данное обстоятельство, если требовалось согласованное решение, также не способствовало быстрому ответу, тем более что тактика проволочек была выгодна японской стороне, пытавшейся выиграть время и отдалить роковой час монгольского вторжения. Сегун Ходзе Токимуне был решительным и твердым политиком, не желавшим покоряться монголам. Его опорой было военное сословие самураев. Ответом и на второе письмо Хубилай-хана японскому императору, где последний назывался «государем маленькой страны», вновь стала высылка посольства и демонстративное молчание. После этого было еще два юаньских посольства к японскому двору в 1271 и 1272 гг. с аналогичными результатами, хотя перед этим корейцы тайно предупредили японцев о военных приготовлениях монголов против Японии. Чао Лянпи, эмиссар Хубилай-хана, побывавший в 1272 г. на японском острове Кюсю, передал японцам

ультимативное требование ответить через два месяца на письмо своего повелителя. По возвращении Чао Ляньпи представил Хубилай-хану доклад о Японии, ее обычаях, порядках и состоянии ее обороны. К этому времени монголы одержали крупную победу над китайскими войсками династии Сун под Сяньянгом, и часть юаньских войск была выделена для похода на Японию [11, с. 101–102]. Было создано специальное ведомство и назначены чиновники, на которых возлагались обязанности по организации похода на Японию, о чем свидетельствует «Юань-ши» («История династии Юань»), китайский источник XIV в.: «Некий (чиновник. – *А.К.*) Пэнфэй в ведомстве по делам политического управления выдвинул предложение покорить Японию и в своем докладе на имя императора (Хубилая) советовал, чтобы Ханьцина (Худугимура, карлука и начальника юаньской пограничной стражи, ранее военного советника Хубилая. – *А.К.*) назначить *ланьчжуном* (старшим секретарем) в управлении по покорению Востока (т.е. Японии. – *А.К.*). Император будто бы сказал: «Пэнфэй хотя и южанин (т.е. китаец с юга; эти китайцы были самой многочисленной и бесправной группой населения в империи Юань. – *А.К.*), но мы знаем его способности. Пока послушаем его...» [9, цз. 122, с. 27379]. Первый японский поход был для монголов вспомогательной операцией по завоеванию южного Китая и ставил задачу, скорее всего, не завоевания Японии, а лишения войск Сун снабжения японскими торговыми судами. Вместе с тем Марко Поло говорит и о других причинах, обусловивших монгольское вторжение на Японские острова: «[Япония –] богатый остров, и не перечать его богатства. Когда великому хану Кублаю (Хубилаю. – *А.К.*), что теперь царствует, порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом» [3, с. 156]. Для успешного вторжения на Японские острова по приказу Хубилай-хана корейцы построили транспортные морские суда. В ноябре 1274 г. военно-морская экспедиция в составе 7 тысяч корейских моряков и 21 тысячи воинов десанта – монголов, тюрков, китайцев, чжурчжэней, корейцев, киданей, мусульман – иранцев и арабов, двинулась к японским берегам. Корейцев из десанта было 6 тысяч, и львиная доля падала на китайцев и чжурчжэней, но они по большей части служили монголам во вспомогательных частях, хотя в походе участвовали и сформированные из китайцев подразделения юаньской императорской гвардии [11, с. 44–47]. Ударной силой десанта были немногочисленные, но отличавшиеся высокой боеспособностью монгольские и тюркские воины, ветераны многих баталий в Китае и Центральной Азии, выступавшие в этой необычной для них военно-морской экспедиции в роли своеобразных «морских пехотинцев» и сражавшиеся не только в привычном для них конном, но и пешем строю. Вместе с тем монголы обладали, пусть и ограниченным, опытом боевых действий на водных пространствах, хотя это были в основном сражения на реках или на море вблизи от побережья. К их числу относятся, например, захват Тайваня, баталии на Янцзы, Хуанхэ, ранее на Амударье, Каспийском море и Волге. Но такую широкомасштабную флотскую операцию, как поход на Японию, вдали от баз снабжения, на подвластном монголам побережье континента, по сути – на океанских просторах,

наследники Чингиз-хана проводили впервые за всю историю своих, как правило победоносных, походов. История оставила удивительные примеры появления флотоводцев, своеобразных адмиралов Юаньской империи, среди представителей кочевых народов, выходцев из степных глубин Азии, в частности монгола Хинду, джалаира Алахаана, найманов Кудукаса и Наньцзятая, тюрок – карлука Каратая, канглы Есудая и Есудара, «верховного» темника кыпчака Байтимура (Ботэмура по-китайски. – *А.К.*), ветеранов сражений против Сун и враждебных юаньскому трону Чингизидов в Центральной Азии, участвовавших в монгольских походах на Японию. «Юань-ши» свидетельствует по этому поводу: «Наньцзятай... обладал стратегическим мышлением... Нанес поражение войскам Сун при форсировании Янцзы... Получил титул “великого полководца” и пост *даругачи* (наместника провинции. – *А.К.*), участвовал в захвате Тайваня... Дослужился до темника (командира 10-тысячного воинского контингента. – *А.К.*)... Получил золотую тигровую пайцзу на пояс (особая награда за воинскую доблесть. – *А.К.*). Участвовал в походе на Японию» [9, цз. 133, с. 27514]. «Алахан, когда великая армия [монголов] окружила Сяньян и Фаньчэн, блокировал эти города с юга. Фаньчэн был разрушен, а Сяньян сдался... Алахан дослужился до поста “верховного” темника... участвовал в японском походе...» [9, цз. 129, с. 27445–27446]. «...Кудукас погиб в японском походе...» [9, цз. 123, с. 27394]. «Халунай (Каратай. – *А.К.*) участвовал в походе правительственной армии (монголов) на Японию, но был остановлен ураганом, и [вверенные его командованию] корабли [вынуждены были] вернуться...» [9, цз. 132, с. 27481]. «Есудай получил приказ участвовать в походе на Японию. Был награжден луком и стрелами, титулом “великого полководца с дальними замыслами”, должностью темника [за доблесть в японском походе]» [9, цз. 134, с. 27502]. «Есудар командовал сотней боевых кораблей в Цзянхуай (междуречье Хуанхэ и Янцзы. – *А.К.*) и участвовал в походе на Японию, на восток. Вернулся из похода, сохранив войска, и в награду по указу [императора] получил во владение 100 дворов крестьян» [9, цз. 133, с. 27490]. Артиллеристами юаньских метательных доогнестрельных орудий были мусульмане, иранцы или арабы, а также китайцы. Монгольская метательная артиллерия к этому времени уже располагала железными пороховыми снарядами, которые успешно применялись в различных военных походах. 300 больших кораблей и от 400 до 500 мелких судов десантировали юаньские войска на побережье островов Цусима, Ики и Кюсю. Если на Цусиме и Ики японское сопротивление было подавлено первой же атакой, то на Кюсю разгорелось ожесточенное сражение. Хотя японцы знали заранее о подготовке монголами вторжения, они не смогли должным образом организовать оборону островов, и это при том, что силы вторжения не обладали подавляющим численным преимуществом. Но превосходство в военной подготовке и боевом опыте как на уровне военачальников, так и простых воинов явно сказывалось. К тому же на защитников островов обрушилась вся мощь «мусульманских» и китайских метательных орудий, новинок самой передовой военной техники того времени, отсутствовавшей у японцев. Они мужественно сопротивлялись, но

противник внезапно принялся метать железные пороховые снаряды в форме шаров и величиной с ручной мяч, называемые по-китайски *те пао* и по-японски *теппо*. Несколько тысяч таких снарядов при метании взорвались со страшным грохотом, потрясшим окрестности. По свидетельствам очевидцев, японские воины, не видевшие никогда подобного оружия и испуганные страшным грохотом взрывов, в панике бежали, устилая поле сражения трупами [7, с. 196]. Уже после первой волны юаньского десанта на восточное побережье Кюсю в заливе Хаката японская оборона дрогнула. К исходу первых суток боя японцы понесли серьезные потери в живой силе и боевом снаряжении, и только ночные сумерки спасли их от полного разгрома. Спасение пришло неожиданно. Природная стихия спасла японцев: ураган и шторм потопили большую часть кораблей юаньской эскадры, ее экипажей и десанта. Погибло 13 тысяч юаньских воинов и моряков. Монголы были вынуждены отступить.

В 1275 г. Хубилай-хан отправил очередное посольство во главе с Ту Шичуном и Хо Вэньчу в Японию, но японцы, окрыленные победой, казнили юаньских послов, нанеся тем самым оскорбление монгольскому правителю. А для монгольских владык не было большего унижения, чем казнь их послов. Конечно, Хубилай-хан не мог оставить подобные действия без возмездия. Но он смог приступить к подготовке нового похода на Японию только после победы монголов над империей Сун в 1279 г., когда овладел всем Китаем. Все это время Ходзе Токимуне, главный организатор обороны Японии, не сидел сложа руки. На Кюсю, на направлении предполагаемого вторжения, были сконцентрированы силы самураев и источники их снабжения оружием, военным снаряжением и продовольствием. За пять лет была построена каменная крепостная стена от прибрежного города Хакосаки через Хаката до Имацу. Были созданы мобильные части японских войск, что позволило бы их военачальникам в случае необходимости быстро перебрасывать воинов в районы, где возникала угроза вражеского десанта.

В 1280 г. для нового похода на Японию Хубилай-хан начал формировать части вторжения и создавать для этого материальную базу. За год до этого было отправлено еще одно посольство к японцам, но сегун обвинил послов в шпионаже и обезглавил их. Второй случай расправы японцев с монгольскими послами был демонстративным вызовом хану Хубилаю. Война стала неминуема, и весной 1280 г. план вторжения на острова находился в оперативной разработке. Во главе войск вторжения Хубилай-хан назначил трех военачальников – монгола Хинду, китайца Фан Вэньху и корейца Хон Тагу. Под командованием Хинду и Фань Вэньху было 100 тысяч воинов десанта и вспомогательных частей их обслуживания, Хон Тагу возглавлял корабли. Дополнительно корейский правитель предоставил для похода 10 тысяч воинов, 15 тысяч моряков, 900 мелких судов и продовольствие. На верфях Цюаньчжоу и Гуанчжоу под руководством Пу Шоугэна было построено еще 50 кораблей для сил вторжения. Существенная

роль отводилась камнеметам и катапультам, метавшим *те пао*, арбалетам и другим метательным орудиям. Фан Вэньху запросил у Хубилая дополнительно конницу и мастеров для изготовления метательных орудий. Не сразу, но к январю 1281 г. последовало разрешение из императорского дворца. Фан Вэньху получил необходимых мастеров-артиллеристов, а метательные орудия, по мере их изготовления и приведения в боевую готовность, приказал устанавливать на военных кораблях. К 1281 г. войска Хубилая-хана были готовы к броску на Японские острова. Юаньские войска двинулись по морю на Японию на 4400 кораблях с двух направлений – 40 тысяч воинов на корейских судах из северного Китая, а 100 тысяч – из Цюаньчжоу, с юга [11, с. 103, 207–212]. Две эскадры с десантом на борту должны были соединиться у острова Ики как первого объекта атаки. Возможно, из-за несогласованности, а может быть вследствие соперничества между командующими двух эскадр, как считает Марко Поло, уже на первом этапе операция стала затягиваться. Хотя монголы «захватили много равнин да деревень, а городов и замков не успели еще взять... случилось с ними вот такое несчастье, зависть была промеж них, и один другому не хотел помогать...» [3, с. 156–157]. Северная эскадра первая подошла к Ики и, не дождавшись подхода юаньских сил с юга, захватила его к 10 июня 1281 г. При атаке Ики юаньские войска, как и в предшествующей экспедиции, применяли «огневые» снаряды *те пао*, от взрывов которых погиб японский военачальник Сени Сукэ. В течение двух недель силы северной эскадры овладели северной частью Кюсю и высадились в районе Манаката севернее стены, сооруженной японцами для отражения атаки с моря. Южная эскадра отклонилась от курса и высадила десант на юге Кюсю, намереваясь его силами наступать на север острова на соединение с частями северной эскадры. Встретив неожиданно сильное сопротивление японцев, юаньские войска метали снаряды *те пао*, характер действий которых запечатлел на своих полотнах участник всех кампаний против монголов японский художник XIII в. Такэдзаки Суэнага [7, с. 196].

Монголы в это время, несомненно, обладали самой передовой в мире военной техникой, заимствованной чуть ли не во всех странах Азии и Европы. Их луки были вдвое более дальноточными по сравнению с японскими луками «юми», хотя последние превосходили их по размерам, легкие клинки и доспехи позволяли монголам и тюркам лучше маневрировать в бою. Их тактика конных атак была отработана до мелочей в бесчисленных завоевательных походах, и пришла очередь японцев испытать на себе их эффективность. А если монгольские военачальники не считали разумным в конкретной ситуации сражаться в конном строю, то воинство спешивалось по необходимости и, привязав поводья коней к своим поясам, пустив по врагам дождь стрел, ударами копий прокладывало себе путь. Немалый урон нанесли самурайским дружинам арбалетчики и копейщики императорской

гвардии Юань – китайцы и чжурчжэни. Подлинным шоком для японских самураев, привыкших к определенному военному церемониалу, было полное пренебрежение монголов к этим церемониям. В самом деле, представьте себе чувства самураев, своеобразных рыцарей Японии, в сражениях с воинами Хубилай-хана. Привыкшие к тому, что в междоусобных японских баталиях самурай перед боем сам выбирал себе достойного противника, обменивался приветствиями и соответствующими изысканными оскорблениями, а затем по всем правилам кодекса самурайской чести начинал бой, японцы в первых столкновениях терялись перед новым непредсказуемым противником. Монголы отнюдь не были склонны, как самураи, прибегать к помощи слуг и оруженосцев, превращать поле боя в сплошные «парные турниры» с выбыванием участников, где не было принято нападать сзади, не окликнув предварительно жертву, и даже отрезанная голова врага для демонстрации сюзерену, выставляемая на всеобщее обозрение, не была просто варварским обычаем, а самым достоверным свидетельством личного участия в схватке с равным. Монголы придерживались принципа победить любой ценой. Монголы и тюрки набрасывались лавой на горделивых «буси», а их союзники чжурчжэни и китайцы шли шеренгами «копейных» атак, предварительно обрушив на японцев пороховые и каменные снаряды из катапульт и камнеметов, тучи стрел из луков и арбалетов. Известно, что и «трофеи» они брали анонимные, указывающие лишь на число жертв, а именно уши врагов [1, с. 182–183]. Японцы впервые столкнулись не только с незнакомым доселе камнеметным и огнеметным оружием, которое уничтожило и сожгло большую часть их береговых укреплений, но и с новой для них тактикой ведения войны, заключавшейся во взаимодействии всех подразделений войска – пехоты, конницы, камнеметных и огнеметных орудий, боевых кораблей, – в едином командовании, несмотря на всю несогласованность командующих двух юаньских эскадр [5, с. 15].

К исходу второго месяца боев японские воины уже изнемогали, сражаясь из последних сил с многократно превосходящим их как в живой силе и боевой технике, так и по уровню военного искусства противником, когда с 15 на 16 августа на побережье Кюсю обрушился ураган, типичный для позднего лета в Восточной Азии. Марко Поло свидетельствует по этому поводу: «...подул сильный ветер с севера, и стала тут говорить рать, что следует уходить, не то все суда разобьются, сели на суда и вышли в море, не проплыли и четырех миль, как прибило их к небольшому острову, кто успел высадиться, спасся, а другие погибли тут же» [3, с. 156]. Корейские моряки пытались спасти корабли, уйдя от урагана в открытое море, но их усилия были тщетны. Треть из 40 тысяч воинов северной эскадры погибла, а из 100 тысяч южной – более половины. Оставшиеся в Японии погибли или попали в японский плен [11, с. 211–212]. Об их судьбе повествует Марко Поло: «Высадилось на остров около 30 тысяч человек, да и те

думали, что погибли, и очень тосковали, что сами уйти не могут, а уцелевшие суда уходят на родину. И плыли те суда до тех пор, пока не вернулись к себе... Те 30 тысяч воинов, что высадились на остров, почитали себя погибшими, потому что не знали, как им уйти оттуда». Отрезанные морем от основных баз снабжения на материке и брошенные на произвол судьбы юаньскими властями, воины держали оборону от японцев до последних пределов своих физических возможностей, не теряя надежду на помощь с континента. «Они... сильно тосковали и не знали, что им делать... Услышали царь большого острова и его подданные [японцы], что войско рассеяно и разбито, а кто спасся – на маленьком острове; как только море успокоилось, сели они на свои суда, прямо поплыли к маленькому острову, высадились на берег с тем, чтобы захватить всех, кто там». Далее Марко Поло сообщает историю, которая не подтверждается другими источниками, о том, как эти 30 тысяч юаньских воинов захватили суда, на которых японцы подошли к острову, и высадились на другом острове у японской столицы, внезапно овладели ею и заняли круговую оборону. Семь месяцев они удерживали столицу, пытаясь известить об этом Хубилай-хана, но, «спасая свою жизнь, сдались все» [3, с. 157] японцам. Насколько вероятными были эти события, описанные Марко Поло, сказать трудно, но его сообщение, во всяком случае, следует иметь в виду.

По мнению японцев, ураган не был случайным явлением, его послали боги, чтобы спасти Японию. Для Хубилай-хана, ранее не терпевшего таких сокрушительных поражений, крах японского похода был шоком. И тем не менее он не оставил надежды взять реванш за поражение и советовался со своими соратниками, о чем сообщает «Юань-ши»: «На следующий год (после похода на Японию. – А.К.), на вторую луну (в феврале) Халунай (Каратай) вернулся на поселение в Цинъюань. Он оставил пост *юаньшуйя* (командующего. – А.К.)... Прибыл ко двору [императора]. Император (Хубилай. – А.К.) спросил его о японских делах. Халунай отвечал на этот вопрос очень подробно...» [9, цз. 132, с. 27481]. В 1283 г. Хубилай-хан приказал купцам в южном Китае строить корабли для третьего похода на Японию; из юаньской столицы Ханбалыка (на месте современного Пекина. – А.К.) на побережье Кореи выехала большая группа специалистов по военной технике, умевших изготавливать «мусульманские» метательные орудия. Среди этой группы одним из первых в *Юань ши* упомянут китаец Чжан Линь, мастер, умевший изготавливать «мусульманские» камнеметы. В 1285 г. чжурчжэни из северного Китая были мобилизованы на строительство 200 судов, а монгольский военачальник Атахай получил для будущей высадки в Японии пополнение в 10 тысяч воинов и 50 стрелков из «мусульманских» метательных орудий. Корейцам было приказано готовить запасы риса для планируемого похода [7, с. 224]. Вместе с тем в правящей юаньской элите, видимо, не было единства по поводу

нового вторжения на Японские острова. Так, в *Синь Юань-ши* («Новая история Юань») говорится: «Большое войско было готово к походу на Японию. Командующий [силами] по покорению Востока (т.е. Японии. – *А.К.*) некий Дуэрмиши (уйгур Турмиш) из-за разногласий и споров с Атахаем и другими [военачальниками] отказался участвовать в этом походе...» [8, цз. 136]. В 1286 г., вняв советам своего окружения, Хубилай-хан отменил поход. Было упразднено ведомство по организации похода на Японию, о чем сообщает «Юань-ши»: «Управление покорения Востока упразднили, а Ханьцина (Худитумура, главу ведомства. – *А.К.*), вернули на [прежнюю должность]» [9, цз. 122, с. 27379].

Неудачные походы на Японию развеяли в Восточной Азии миф о непобедимости монголов. Натиск разноплеменного юаньского войска, ведомого монголами, разбился и о сопротивление японских защитников, которым нельзя отказать в мужестве, когда они два месяца противостояли вражеской армаде, превосходившей японцев многократно по численности и боевому опыту, по оснащенности новейшей для того времени военной техникой, и о силы стихии – ураганы или камикадзе – «священные ветры» японских преданий, потопившие большую часть юаньского флота Хубилай-хана и его десанта. На побережье залива Хаката, куда высаживались войска Хубилая, до сего времени сохранились как символы той суровой эпохи два молитвенных камня с его кораблей, потопленных «священным ветром».

Попытки монголов завоевать Японию опустошили острова Цусима, Ики и северное побережье Кюсю, вынудив многих их обитателей покинуть эти места, а также привели к разрыву традиционных японо-корейских отношений почти на полвека. Япония, и раньше не чуждая «затворничеству», теперь замкнулась в изоляции от внешнего мира, и ее связи с Китаем и Кореей, а также с большей частью Евразии, где господствовали монгольские ханы, носили случайный характер.

Таким образом, Япония оказалась одной из немногих стран, сумевших отстоять свою независимость от монгольских завоевателей, державших в XIII в. «кормило управления миром». Победа японцев над монголами стала следствием не только географического фактора и природной стихии, но и решимости японцев бороться до конца против превосходящих сил врага в безнадежных, казалось бы, обстоятельствах.

Литература

1. *Долин А.А., Попов Г.В.* Кэмпо – традиция воинских искусств. М., 1990.
2. *Климов В.Ю.* Японо-китайские отношения XIV–XVI вв.: морские пираты (вако). XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов, ч. II, М., 1988.
3. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х., А.-А., 1990.

4. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.
5. *Спеваковский А.А.* Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.
6. *Чулууны Далай.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
7. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). М., 1980.
8. *Кэ Шаоминь.* Синь Юань-ши (Новая история Юань). Шанхай, 1936. Т. 8.
9. Юань-ши (История династии Юань). Шанхай–Пекин, 1958.
10. *Chi-ching Hsiao.* The military establishment of the Yuan Dynasty. Published by council of East Asian Studies. Harvard University, Distributed by Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 1978.
11. *Rossabi M.* Khubilai Khan. His Life and Times. University of California Press, Berkeley–Los Angeles–London, 1988.